

Живет в Кишиневе (Молдова). О себе: "Кишинёв - Бухарест - Кишинёв - ...".

Кишинёв

Двенадцать лет и лето нараспашку.
Вспотевший двор хрущёвской трёхэтажки,
рукастые каштаны
в балконные карманы —
без спроса.
Чу! Из казанов —
вишнёвое стаккато: Ки_ши_нёв.

Вирджил Васильевич выносит мусор —
румянец и послеинсультный шаг.
Фанат Вертинского и женских бюстов —
как выпьет, плачет, кроет Сибирлаг
и русских, тех, что увели корову
и папу. Ни за что и навсегда.

Опять бушует рэбе со второго!
Поёт, кричит ли, молится?..
Седа
в его окне колючая джидá.

За гаражами тень, и три девицы
гадают на сыпучих лепестках:
Останемся, уедем, что случится?..

Всё будет хорошо.

А будет так:
вот этой, с левантийскими глазами,
цвести, толстеть и соблюдать шаббат;
вот этой, длинноногой, в Алабаме
рожать разнокалиберных ребят;

а этой вот, молчунье близорукой,
ходить за словом, за вишнёвым звуком,
неузнанной маруськой
по памяти по узкой,
оттуда,
где был русский мир
натянут между «до́амне» и «вэй'з мир».

джидá - листопадный или вечнозелёный кустарник или дерево, часто колючий; дикий
маслин.

до́амне [do am-ne] - боже мой! (с румынского)
вэй'з мир - боже мой! (идиш)

Есть сад...

□□□□□□□□ T.V.

Есть сад, и тяжелы по осени деревья.
Есть дом, где чистота на скрипочке играет.
Есть правнук
и подлесок за деревней,
и солнце, что заходит за сараем.

Есть всё, чтобы уйти — оставить не зазорно.
Но жаль телушку, и в кадушке — тесто.
Лучатся в решете сухие зёрна,
и квохчет ночь на сточенном насесте.

Выписка

Личный анамнез:
анабиоз,

симптоматичный холод нательный.

Рекомендовано:
метаморфоз
со следующего понедельника.

Буйный фарфор, финтифлюшка-финифть,
узкоколейный романчик смертельный,
далее — витый смирительный шрифт
для рукоделия.

Гаревой гласной в глухое ушко —
где-то по водам, а где-то по броду.
Гладью — согласную Ж.
— Как «жаркое»?
— Вроде бы...

После, глаза напролёт —
ай_да_ну —
прекраснодушные струны на выбор.

А в эпикризе — обратно в луну,
по вою собаки,
наружу вывернутому.

[Страница автора в Сети](#)